

ДЖОН УИНДЕМ

КУКОЛКИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
У37

Серия «Эксклюзивная классика»

John Wyndham

THE CHRYSALIDS

Перевод с английского *Е. Левиной*

Серийное оформление *А.В. Фереца, Е.Д. Фerez*

Печатается с разрешения The John Wyndham Estate Trust
при содействии литературных агентств
David Higham Associates и The Van Lear Agency LLC.

Уиндем, Джон.

У37 Куколки : [фантастический роман] / Джон Уиндем ; [пер. с англ. Е. Левиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-099783-1

Роман, который большинство критиков справедливо называют лучшим произведением Джона Уиндема.

Книга, которая произвела на любителей фантастики СССР оглушительное впечатление; многие всерьез считали, что роман написали братья Стругацкие. Более того — по рукам ходил любопытный самиздатовский «перевод» под названием «Христолюди», в котором в текст Уиндема были вставлены цитаты, заимствования и отсылки к произведениям Стругацких. Одно из лучших антиутопических произведений НФ XX века!

«Отклонениям от нормы» нет места в селениях новых пуритан — потомков немногих, кто выжил в ядерной катастрофе, постигшей человечество. Детенышей животных, обнаруживших малейшие признаки мутации, уничтожают. С человеческими младенцами обходятся «милосерднее» — их просто стерилизуют и вышвыривают в дикие джунгли, на милость прочих прозябающих там одичавших мутантов. Но все ли «отклонения» могут распознать беспощадные судьи-проповедники и их фанатичная паства? Незаметно для них подрастают дети, обладающие мощным паранормальным даром...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© John Wyndham Estate Trust, 1955
© Перевод. Е. Левина, 1955
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2022

ISBN 978-5-17-099783-1

1

Когда-то, совсем маленьким, я часто видел во сне город. Было это очень странно, потому что начал он мне сниться задолго до того, как я узнал, что это такое. И все-таки именно город, раскинувшийся на берегу большого голубого залива, представал передо мной снова и снова. Я мог рассматривать улицы и окаймляющие их здания и даже лодки в гавани, а между тем наяву я никогда не видел ни моря, ни лодки.

И дома отличались от тех, что я знал, и движение на улицах тоже было странным: повозки бежали без лошадей; а в небе иногда пролетали какие-то блестящие штуки, похожие на рыб. Наверняка это были не птицы.

Чаще всего я видел это изумительное место в дневном свете, но иногда он являлся мне погруженным во тьму ночи, и тогда огни его извивались вдоль берега, как гирлянды светляков, а некоторые из них искрами сияли в море или в небе.

Это было столь завораживающе красиво, что однажды — я был тогда еще слишком мал, чтобы понимать, что делаю, — я спросил мою старшую сестру Мэри, где может находиться этот чудесный

город. Она покачала головой и сказала, что на свете нет такого места — сейчас нет. Но может быть, продолжала она, я каким-то образом смог увидеть во сне то, что было давным-давно. Сны — забавная вещь, неизвестно, почему они именно такие, а не иные. Так что, возможно, я увидел кусочек прекрасного мира, того замечательного мира, в котором жили прежние люди. Увидел то, что было когда-то, еще до того, как Бог наслал на мир Бедствие.

Она очень строго предупредила меня, чтобы я никому об этом не рассказывал: насколько ей известно, другим людям такие картины не приходят в голову ни во сне, ни наяву, так что говорить об этом неразумно.

Это был хороший совет, и, к счастью, у меня хватило ума последовать ему. В этом округе у людей был острый глаз на все странное и необычное, и даже то, что я левша, вызывало у окружающих неодобрение.

Поэтому и тогда, и следующие несколько лет я никому не говорил об этих снах. Я даже забыл о них, потому что по мере того, как я становился старше, они снились мне все реже и реже. Однако совет старшей сестры я запомнил накрепко. Если бы не он, я, возможно, рассказал бы кому-нибудь еще и о том странном взаимопонимании, которое установилось у меня с моей двоюродной сестрой Розалиндой. Ведь если бы на это обратили внимание, нам с ней наверняка пришлось бы худо. Но в то время ни она, ни я не придавали этому никакого значения: у нас просто выработалась привычка

к осторожности. Я, безусловно, не чувствовал себя необычным. Я был нормальным мальчишкой, нормально подрастал и все окружающее в мире принимал как должное.

Так продолжалось до того дня, когда я встретил Софи. Впрочем, даже тогда перемена произошла не сразу. Это теперь, оглядываясь назад в прошлое, я могу сказать, что именно в тот самый день у меня зародились первые сомнения.

В тот день я отправился бродить в одиночку. Я часто так делал. Мне было тогда около десяти лет. Ближайшая ко мне по возрасту сестра, Сара, была на пять лет старше меня, и эта разница в годах приводила к тому, что часто я играл один. Отправившись по проселочной дороге на юг, вдоль полей, я добрался до высокого вала и прошел по его гребню довольно много.

Вал не казался мне загадочным. Он был слишком велик для того, чтобы считать его чем-то, что когда-то давно построили люди, и мне никогда не приходило в голову связать его с теми удивительными делами Превжних Людей, рассказы о которых я иногда слышал. Это был просто вал, изгибавшийся широкой дугой, а потом уходивший, прямой как стрела, к далеким холмам. Обычный фрагмент мира, и ему точно так же не стоило удивляться, как реке, небу или самим этим холмам.

Я часто ходил по гребню вала, но редко спускался на другую его сторону. Я считал ее чужой, не столько враждебной, сколько не своей территорией. Я нашел там одно место, где дождь, стекая с

дальнего склона вала, промыл в песке большой овраг, и обнаружил, что если сесть в нем и хорошенько оттолкнуться, то можно съехать вниз с довольно большой скоростью, а в конце пролететь несколько футов по воздуху и приземлиться в мягкий песок у подножия вала.

Я бывал там, наверное, раз шесть и никогда никого не встречал, но в тот день, когда я поднимался с песка в третий раз и готовился съехать в четвертый, чей-то голос сказал: «Привет!»

Я огляделся. Сначала я не мог понять, откуда шел голос, но потом мое внимание привлекла колышущаяся верхушка кустов. Ветки раздвинулись, и оттуда выглянуло лицо. Загорелое личико, обрамленное темными кудряшками, очень серьезное, с ярко блестящими глазами. С минуту мы рассматривали друг друга, потом я ответил: «Привет!»

Немного погодя кусты раздвинулись шире, и я увидел девочку чуть ниже меня ростом и вроде бы немного младше. На ней были красно-коричневый комбинезон и желтая рубашка. Крест, вышитый на комбинезоне, выделялся более темным цветом. Ее волосы удерживались с двух сторон желтыми лентами. Несколько секунд она не двигалась, словно не решаясь покинуть свое убежище, но затем любопытство одержало верх над осторожностью, и она вылезла из кустов.

Я разглядывал ее во все глаза, потому что она была совершенно мне незнакома. У нас время от времени устраивались праздники или увеселительные прогулки, на которые съезжались дети со всей

округи, так что встретить здесь кого-то, ранее не виденного, было просто удивительно.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Софи, — ответила она. — А тебя?

— Дэвид. Где ты живешь?

— Там. — Она неопределенно махнула рукой в сторону чужой местности за валом и перевела взгляд на песочную промоину, по которой я скачивался. — Это интересно? — спросила она, жадно глядя туда.

Я поколебался минуту, потом ответил:

— Здорово! — и предложил: — Давай попробуй сама.

Она отступила, снова перевела взгляд на меня и секунду или две изучала меня с очень серьезным выражением лица, а потом внезапно решила. На вершину вала она забралась раньше меня и быстро съехала по промоине. Кудри и ленты ее развевались. Когда я приземлился вслед за ней, ее серьезность исчезла, а глаза сверкали от возбуждения и удовольствия.

— Еще! — вскрикнула она и, не отдышавшись, полезла наверх. Несчастье случилось, когда она съезжала в третий раз. Она села и оттолкнулась, как и раньше. Я смотрел, как она летела вниз, а потом замерла в куче песка. Она умудрилась приземлиться на фут левее обычного места. Я приготовился съезжать следом и ждал, пока она освободит мне место, но она не отодвигалась.

— Ну, давай же, — поторопил я ее.

Она попробовала подняться, а потом крикнула:

— Я не могу, больно!

Я рискнул съехать сбоку оврага и приземлился около нее.

— В чем дело? — спросил я. Ее лицо сморщилось, в глазах стояли слезы.

— Нога застряла, — сказала она.

Левая нога ее была засыпана рыхлым песком. Я разгреб его руками. Башмак попал в узкую щель между двумя выступающими камнями и застрял. Я попытался его вытащить, но он не поддавался.

— Может быть, как-нибудь вытянешь ногу, — предложил я.

Мужественно сжав зубы, она попыталась.

— Не выходит.

— Я помогу тебе, — предложил я.

— Нет, нет, больно, — запротестовала она.

Я не знал, что делать дальше. Было видно, что ей очень больно. Подумав, я предложил:

— Лучше всего разрезать шнурки в башмаке, чтобы ты могла вынуть ногу. Я не могу добраться до узла.

— Нет! — Она испугалась. — Нет, мне нельзя!

Она сказала это с такой убежденностью, что я растерялся. Если бы она вынула ногу из башмака, мы могли бы потом камнем выбить его из расщелины, но она этого не хотела, и я вообще не знал, что делать. Она лежала в песке навзничь, согнутое колено застрявшей ноги торчало вверх.

— Ой, как больно! — Она больше не могла сдерживать слезы. Они ручьем бежали по лицу.

Но даже в эту минуту она не орала во весь голос, а только повизгивала, как щенок.

— Ты должна снять башмак, — сказал я.

— Нет, — повторила она, — нет, мне нельзя. Никогда. Я не должна...

Я растерянно сел рядом. Двумя руками она крепко держалась за мою руку и плакала. Было ясно, что боль в ноге усиливается. Практически первый раз в жизни я оказался в ситуации, когда должен был принимать решение сам. И я решил.

— Ничего не поделаешь. Тебе придется снять башмак — и если ты этого не сделаешь, то останешься здесь насовсем и, наверное, умрешь.

Она согласилась не сразу, но в конце концов поддалась уговорам. С опаской наблюдала она за тем, как я разрезал шнурки, а потом сказала:

— Уйди, ты не должен смотреть.

Я заколебался. Но детство — это пора жизни, полная необъяснимых, но важных условностей, поэтому я отодвинулся на несколько ярдов и повернулся к ней спиной. Я слышал, как она тяжело дышала, а потом снова заплакала. Я обернулся.

— Не получается, — сказала она, испуганно глядя на меня сквозь слезы.

Я опустил на колени, чтобы посмотреть, чем я могу помочь.

— Ты не должен никому рассказывать, — сказала она, — никогда, никогда. Обещай.

Держалась Софи очень храбро, лишь издавая какое-то щенячье повизгивание. Когда я наконец освободил ногу, она выглядела ужасно: вся рас-

пухла и была как-то вывернута. Я даже не обратил внимания, что пальцев на ней больше обычного...

Мне удалось выколотить ботинок из расщелины, но надеть его на распухшую ногу было невозможно. Наступать на нее она тоже не могла. Я подумал, что смогу понести ее на спине, но оказалось, что Софи тяжелее, чем я ожидал. Было ясно, что таким образом мы далеко не уйдем.

— Надо найти кого-нибудь и позвать на помощь, — сказал я.

— Нет, я поползу, — ответила она.

Я шел рядом с ней, нес ее ботинок и чувствовал себя бесполезным. Она бойко проползла на удивление большое расстояние, но потом была вынуждена остановиться. Ее брюки на коленках разорвались, и кожу она стерла до крови. Никогда я не встречал ни мальчишки, ни девчонки, которые смогли бы вытерпеть такое, и был просто потрясен. Я помог ей подняться на здоровой ноге и удерживал ее стоя, пока она показывала, где находится ее дом и дымок, на который мне нужно идти. Когда я оглянулся, она на четвереньках пряталась в кусты.

Дом я нашел без труда и, волнуясь, постучал в дверь. Открыла высокая женщина с красивым добрым лицом и большими яркими глазами. Ее красно-коричневое платье было немного короче, чем те, что носили женщины у нас дома, но общепринятый крест на нем тянулся от шеи через грудь до самого подола. Он был зеленого цвета, в тон ее головному платку.

— Вы мама Софи? — спросил я.

Она настороженно посмотрела на меня и нахмурилась.

— В чем дело? — От волнения она говорила отрывисто.

Я рассказал все.

— Ее нога! — воскликнула она. Мгновение она пристально смотрела на меня, потом поставила метлу, которую держала в руках, к стене и коротко спросила:

— Где она?

Я повел ее той же дорогой, которой пришел к дому. Услышав ее голос, Софи выползла из кустов. Мать посмотрела на ее распухшую, бесформенную ногу и кровоточащие коленки.

— Бедная моя девочка, — сказала она, обнимая и целуя Софи. А потом спросила:

— Он видел?

— Да, мама, — сказала Софи. — Прости меня, мама, я очень старалась, но сама ничего не смогла сделать, а мне было очень больно.

Мать медленно кивнула и вздохнула:

— Ладно, ничего не поделаешь. Залезай.

Софи забралась на спину матери, и мы отправились к ним домой.

Заповеди и наставления, которые в детстве учишь наизусть, можно помнить дословно, но должным смыслом они наполняются, лишь когда сам столкнешься с этим в жизни. И даже в этом случае еще нужно суметь разглядеть в сложившей-

ся ситуации иллюстрацию того, что когда-то было просто заучено.

Поэтому, терпеливо наблюдая, как раненую ногу Софи обмывают, накладывают на нее холодный компресс и перевязывают, я не усмотрел никакой связи между этой ногой и тем утверждением, которое слышал каждое воскресенье.

«И Бог создал мужчину по образу своему и подобию. И Бог поведал, что у мужчины будет одно тело, одна голова, две руки и две ноги, что у каждой руки будет два сочленения, и она будет заканчиваться одной кистью, и каждая кисть должна иметь пять пальцев, и на каждом пальце должен быть плоский ноготь». И так далее до...

«Затем Бог создал женщину, по тому же образу и подобию, но с отличиями в соответствии с ее природой: голос ее должен быть выше, чем у мужчины. У нее не должна расти борода, у нее должны быть две груди...» И так далее...

Я знал это слово в слово, и все-таки вид шести пальцев на ноге у Софи ничего мне не напомнил. Я видел, как ее нога лежала на коленях у матери. Видел, как мать, посмотрев на нее долгим взглядом, приподняла ее, наклонила голову, нежно поцеловала и подняла к небу глаза, полные слез. Мне было жаль ее, жаль Софи, жаль больную ногу, но ничего больше я не увидел.

Пока делали перевязку, я с любопытством огляделся вокруг. Их жилище было гораздо меньше нашего, скорее домик, чем дом. Но мне здесь понравилось больше, чем у нас. Он был дружелюбный.

Хотя мать Софи была озабочена и взволнована, я не чувствовал, что мешаю, как часто бывало дома, где я всегда оказывался нарушителем спокойной и размеренной жизни. Сама эта комната мне приглянулась, потому что на стенах не было назидательных надписей, которые всегда можно использовать как доказательство чьей-либо непраоты. Вместо них висели рисунки лошадей, тоже очень мне понравившиеся.

Вскоре успокоенная Софи умыла слезы и прыжками добралась до стола. С важным видом гостеприимной хозяйки она спросила, люблю ли я яйца.

После еды миссис Уэндер попросила меня подождать, пока она отнесет Софи наверх. Через несколько минут она вернулась и села рядом со мной. С серьезным выражением лица она взяла меня за руку и некоторое время молчала. Я очень хорошо чувствовал ее волнение, хотя поначалу не мог понять, чем она так обеспокоена. Она меня удивила, потому что до сих пор ничто не говорило о том, что она умеет думать таким образом. Я послал ей мысль, пытаюсь успокоить и объяснить ей, что она не должна бояться меня, но мои мысли до нее не добирались. Она продолжала смотреть на меня блестящими глазами, такими же, какие были у Софи, когда она изо всех сил старалась не заплакать. Ее собственные мысли были бесформенны и беспокойны. Я снова попытался послать ей внутреннее сообщение, но она не смогла его уловить.

Потом она медленно кивнула и сказала: «Ты хороший мальчик, Дэвид. Ты был очень добр к

Софи. Я хочу поблагодарить тебя за это». Мне стало неловко, и я принялся разглядывать свои башмаки. Мне еще никто никогда не говорил, что я хороший мальчик, и я не знал, как надо на это отвечать.

— Тебе нравится Софи? — продолжала она, внимательно глядя на меня.

— Да, — сказал я и добавил: — Я считаю, что она очень храбрая. Ей ведь было очень больно.

— Можешь ты ради нее хранить тайну? Очень важную тайну! — спросила она.

— Да, конечно, — согласился я немного неуверенно, потому что не мог понять, о какой тайне идет речь.

— Ты видел ее ногу? — сказала она, пристально глядя мне в глаза. — Ее пальцы?

— Да, — снова кивнул я.

— Так вот, Дэвид, это и есть тайна. Об этом никто больше не должен знать. Ты единственный человек, который это знает, кроме ее отца и меня. Больше никто не должен знать. Совсем никто, никогда.

— Хорошо, — ответил я и снова кивнул. Наступило молчание. Вернее, утих ее голос, но мысли продолжали звучать, как безутешное отчаянное эхо этих «никто» и «никогда». Потом мысли ее изменились, она внутренне напряглась, стала свирепой и испуганной одновременно. Было бесполезно думать ей в ответ, поэтому я постарался как мог выразить свои мысли словами.

— Никто никогда не узнает, — повторил я убеждающе.

— Это очень, очень важно, — настаивала она, — как бы мне объяснить тебе это...

На самом деле ей ничего не надо было мне объяснять. Устойчивое, напряженное ощущение серьезности произошедшего, наполнявшее ее, передавалось и мне — с абсолютной ясностью. Слова ее говорили гораздо меньшее.

— Если кто-нибудь об этом узнает, то будет очень... они будут очень жестоки с Софи. Мы должны позаботиться, чтобы этого никогда не случилось.

Ее беспокойство вылилось в какое-то другое чувство, твердое как сталь.

— Потому что у нее на ноге шесть пальцев? — спросил я.

— Да. Этого никто на свете, кроме нас, не должен знать. Это должно быть нашей тайной, — повторяла она, как будто вколачивала мне в голову эту мысль. — Ты обещаешь, Дэвид?

— Да, я обещаю. Если хотите, я могу поклясться, — предложил я.

— Обещания достаточно, — сказала она.

Весь этот разговор был для меня таким мучительным, что я решил скрыть его ото всех, даже от моей двоюродной сестры Розалинды. Но в глубине души мне было непонятно, почему это все так важно. Почему какой-то крошечный пальчик на ноге требует такой невероятной искренности?! У взрослых очень часто степень беспокойства совершенно несоразмерна причине.

Поэтому я решил придерживаться главного: надо хранить тайну. Мать Софи продолжала смо-